

А.А. Смирнов

А БЫЛ ЛИ СПОР?

(О перемещениях российских войск в районе Кульма)

В 2012 г. увидела свет монография В.М. Безотосного «Все битвы русской армии 1804–1814 годов», в разделе «Последствия Дрезденского сражения» которой читаем: «16 (28) августа (1813 г. – *А.С.*) два русских генерала завязали спор, по какому пути отступать. Вюртембергский (принц Евгений, генерал-лейтенант, командир 2-го пехотного корпуса. – *А.С.*) настаивал на необходимости пробиться к Теплицу через Петерсвальде, а Остерман (Александр Иванович Остерман-Толстой, граф, генерал-лейтенант, командир соединения, защищавшего дорогу Дрезден – Прага. – *А.С.*) предполагал отступление к главным силам к Максену (Барклай (Михаил Богданович Барклай де Толли, генерал от инфантерии, главнокомандующий русско-прускими войсками в составе Богемской армии. – *А.С.*) предложил ему на выбор два пути движения). Остерман согласился со своим оппонентом лишь после категорического заявления принца, что тот со своими войсками направится к Петерсвальде»¹.

Что же об этом говорили, писали и вспоминали сами российские генерал-лейтенанты, командовавшие войсками при Кульме?

Профессор Я.Ф. Фальмерайер, секретарь графа, записал рассказ о Кульмском сражении со слов Остермана-Толстого: «Одновременно с известием о полном поражении под Дрезденом и отступлении Богемской армии союзников граф Остерман получил в ночь с 27 на 28 августа указание на следующее утро с подчиненными ему войсками отступить тоже на Богемию. Никто в бивуаке под Цехистой в ту ночь не спал, ведь за линию отступления корпуса Остермана из главной ставки пришли два приказа с противоречивыми инструкциями. В селе Кребс был создан военный совет, на котором оба мнения нашли своих сторонников...

От Баркляя де Толли, как главнокомандующего русскими, Остерману... поступила директива: „Корпус на крайней части фланга должен покинуть позицию и отступить по дороге, ведущей из Пирны через село Петерсвальде на богемский город Теплиц, затем сойти с дороги и пробираться через Максен и Диппольдисвальде по дикой незаселенной местности к темным ущельям Рудных гор с целью догнать отступающую [Богемскую] армию“.

В то же время князь Шварценберг (Карл Филипп Шварценберг, австрийский фельдмаршал, командовал всеми вооруженными силами союзников. – *А.С.*) руководствуясь преимущественно дурными советами генерала Радецкого (Йозеф Йохан Венцель Антон Франц Карл Радецкий, австрийский фельдмаршал-лейтенант, генерал-квартирмейстер союзной армии. – *А.С.*) прислал графу Остерману приказ совершенно противоположного смысла. Граф должен был отвести свое войско за [реку] Эгер по прямой через Берггисхюбель, Петерсвальде и Теплиц, и там любой ценой не допустить выход неприятеля к дороге на Теплиц в Богемию... Однако на военном совете Остермана было найдено решение получше, получившее одобрение большинства членов военсовета. Прозвучали последние доводы и проанализированы все возможные риски – и было решено выступить через Петерсвальде на Теплиц. Вслед за обсуждением быстро последовало действие...»²

«В ночь с 28 на 29 августа, – утверждал Фальмерайер, – граф Остерман выслал из лагеря близ Петерсвальде своего конного офицера со спешной депешей к королю Пруссии, ставка которого находилась... в городе Теплиц; в этой депеше Остерман пытался объяснить прусскому королю свое бедственное положение и необходимость сражаться с превосходящими силами Вандама (Доминик Жозеф Рене Вандам, граф, дивизионный генерал, командир 1-го армейского корпуса французской армии. – *А.С.*), а также докладывал о своем намерении продолжить отступление за реку Эгер. Ответ на это донесение не заставил себя долго ждать. Ранним утром к Остерману явился подполковник фон Нацмер (Ольвиг Антон Леопольд Нацмер. – Примеч. В.Б. Двораковского, подготовившего текст к публикации), который устно доложил графу об угрожающем положении армии и о самом императоре Александре, до сих пор плутовавшем где-то по ущельям Рудных гор. Под Кульм прибыл второй посланник, генерал фон Кнезебек (Карл Фридрих Кнезебек, барон, генерал-майор, состоял при главной квартире прусского короля. – *А.С.*), имевший при себе приказ, подписанный собственноручно Его прусским Величеством: „Граф Остерман должен был остановиться

еще под Теплицем, чтобы с величайшим напряжением сил воспрепятствовать дальнейшему продвижению врага и в максимальной степени обеспечить возможность беспрепятственного отступления соединений по ущельям к равнине Теплиц⁴. Только теперь граф Остерман понял истинное положение дел, а также большую опасность и ту неизмеримую ответственность, которая на него возлагалась. День 29 августа 1813 г. стал кризисным»³.

Напомню, что Фальмерайер записал рассказ графа. Однако в нем нет и намек на то, что военный совет принял предложение Ермолова (Алексей Петрович Ермолов, генерал-лейтенант, командир гвардейского пехотного корпуса). Подтверждается при этом и противоречивость указаний вышестоящего армейского руководства, что во многом и многое отдавалось на откуп графу как начальнику войск в районе Кульма, назначенному императором Александром I вопреки мнению Барклая де Толли.

Записки Фальмерайера на немецком языке были опубликованы в Лейпциге в 1861 г., но в 1822 г., еще при жизни принца, графа и Ермолова, появился труд С.И. Ушакова «Деяния российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну 1812, 1813, 1814 и 1815 годов», где в биографическом очерке об Остермане-Толстом сообщалось, что Наполеон «приказал генералу Вандаму отправиться как можно поспешнее к Теплицу, чтоб занять проходы в горах и запереть союзные войска в дефилеях... Граф Остерман-Толстой получил повеление выйти на Теплицкую дорогу, и в случае если бы она была занята неприятелем, соединиться с главною армиею, ретируясь на Дипполдисвальд...»

Граф Остерман-Толстой знал, сколько нужно было ему, для спасения целой армии, не оставлять Теплицкой дороги, и чувствовал также всю трудность удержаться на оной с малым своим корпусом... Но считая ни за что трудность предприятия... он решился овладеть проходами; и собрал совет из бывших при нем генералов единственно в том намерении, чтобы воспользоваться их согласием. Мнение их было однако же таково, что как в случае сильного натиска неприятеля ему предписывалось взять направление на Дипполдисвальд, то и не надлежало вступать в столь неравное и отчаянное сражение, в котором вся храбрость императорской гвардии, должна необходимо уступить многочисленности неприятеля. Тогда следуя, так сказать, своему только собственному совету, и принимая все на свою ответственность, он сказал им: „Господа! Предприятие сие показалось бы мне самому дерзким, ежели бы я не полагался на Государеву Гвардию. На что не можно отважиться с первым корпусом Российской армии? Мне совершенно известна его храбрость, и я ручаюсь за успех.

Сегодня же овладеем проходами и спасем Теплиц⁴. В самую сию минуту приказывает он начать атаку»⁴.

Из описания Ушакова чувствуется, что совещание носило формальный характер, т.е. решение уже было принято графом. Утверждать, что на этом военном совете присутствовали Ермолов и принц, нет оснований, тем более что их решения совпадали с графским, как следует из приводимых воспоминаний.

Поскольку мнение Остермана-Толстого нам известно, обратимся к воспоминаниям принца Евгения Вюртембергского, опубликованным в 1875 г. на русском языке: «На рассвете 28-го я узнал, что граф Остерман получил предписание от Барклая отступить на Максен. Предписания этого я не видел. Ко мне прибыл флигель-адъютант Вольцоген (Вольцоген Юстас Адольф Филипп Вильгельм Людвиг (Людвиг Иванович), полковник, состоял в свите императора Александра I, но в число флигель-адъютантов официально не входил. – *А.С.*) с ответом императора Александра на мое донесение от 27-го... Вследствие его сообщений, армия получила приказание отступить к Богемии, а мне предстояло идти на Петерсвальде, т.е. прикрыть дорогу в Богемию, как предписывал Радецкий...

С места сражения под Кричвицем, которое мы удержали за собою, и только ночью оставили, я отправил (26 августа. – *А.С.*) к генералу Барклаю моего обер-квартирмейстера полковника Гофмана (Егор Федорович, в 1808 г. из прусской армии перешел на службу в квартирмейстерскую часть российской армии, в 1812 г. в чине подполковника был квартирмейстером 23-й пехотной дивизии. – *А.С.*) с словесным донесением о случившемся; было темно, и я не мог доносить письменно... Едва только успел приехать полковник Гофман к Барклаю, как тот приказал ему явиться в главную квартиру. Там пригласили его на совещание с генерал-квартирмейстером союзной армии фельдмаршал-лейтенантом Радецким и с начальником главного штаба императора Александра, князем Петром Волконским (Петр Михайлович Волконский, князь, генерал-лейтенант, генерал-адъютант, исполняющий должность начальника Главного штаба Его Императорского Величества и управляющий квартирмейстерской частью. – *А.С.*). Гофман, изложив положение дела, получил от Радецкого следующую инструкцию: „Свято оберегать сообщение с Богемиею“. Вслед за сим Барклай получил приказание подкрепить меня, и когда Гофман пришел к нему, он объявил ему, что 1-я гвардейская дивизия получила уже приказание... Офицер этот возвратился ко мне только 27-го августа в полдень. (Следовательно, предписание Радецкого принц узнал только после полудня 27 августа. – *А.С.*)

При таких обстоятельствах мне никакой надобности не было соображаться с предписанием, данным Барклаем Остерману; мне нужно было убедить Ермолова в необходимости следовать за мною по направлению к Петерсвальде. На сколько могу запомнить, по этому поводу происходило, под открытым небом, в присутствии Вольцогена, краткое совещание между мною, Ермоловым и принцем Леопольдом (Леопольд Саксен-Кобургский, генерал-майор, командир 2-й бригады 1-й кирасирской дивизии. – А.С.). Верно то, что я вслед за тем написал на барабанах диспозицию к отступлению,...

Когда колонна князя Шаховского (Шаховской Иван Леонтьевич, князь, генерал-майор, командир 3-й пехотной дивизии. – А.С.), согласно этому расположению, двинулась через Цегисту на Гросс-Котту, граф Остерман громко выразил свое неодобрение, полагая, что 2-й корпус оставит его с гвардией на жертву неприятелю. Записки Вольцогена и других авторов говорят, что вследствие этого, будто бы была ссора между мной и графом; в действительности же ее не было; напротив того, мне сказывали, будто бы Вольцоген говорил тогда, что граф поручил ему уверить Его Величество, что на мне одном должна лежать ответственность. Факт этот я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть. Я опять отправил полковника Вольцогена к Государю, чтобы доложить Его Величеству о моих распоряжениях... Только тогда в главной квартире узнали, что и гвардия выступила на большую Богемскую дорогу»⁵.

Иначе говоря, никакого совещания с участием графа, Ермолова и принца о путях движения отряда Остермана не было, а действия принца, согласованные с Остерманом-Толстым, а позднее и с Ермоловым, были одобрены императором Александром I.

А.П. Ермолов не оставил записок о своей деятельности в 1813 г. Но кое о чем напомнили воспоминания Н.Н. Муравьева (Николай Николаевич Муравьев, прапорщик квартирмейстерской части при Главной квартире, с 1855 г. Муравьев-Карский), который из Теплица поскакал к Кульму и прибыл к Ермолову: «Остерман и Ермолов были отрезаны от главных сил, когда они дрались под Пирной. Узнав о поражении и отступлении союзников (от Дрездена. – А.С.), они общим советом положили отступать к Теплицу»⁶. Значит отступление было согласовано и принято Ермоловым и Остерманом без участия принца. Почему? Возможно, что он уже принял решение, о котором сам писал, и оно не противоречило решению Ермолова – Остермана.

А вот что писал по этому поводу Д.В. Давыдов (Денис Васильевич Давыдов, полковник Ахтырского гусарского полка, командир партизанского

отряда, присоединенного в 1813 г. к корпусу генерала Ф.Ф. Винценгероде), двоюродный брат Ермолова и его постоянный и упорный защитник: «Съехавшись с Остерманом среди дороги между Донной и Пирной и объявив ему об истинном движении союзников, поспешно отступающих в Богемии, Ермолов настоятельно требовал немедленного движения всего отряда на Петерсвальде. Как бы предчувствуя, что гвардии придется отступать в Богемии, Ермолов послал заблаговременно адъютанта своего Фон-Визина (Михаил Александрович Фонвизин, капитан лейб-гвардии Измайловского полка. – А.С.) и состоявшем при нем лейб-гусара Мамонова для осмотра дорог... Ермолов, основательно изучивший классические страны: Саксонию и Богемию, и имевши при себе всегда карту Бакенбергера, объяснил по ней Остерману всю необходимость движения на Петерсвальде. „Прибыв лишь накануне из Гигсгобеля,.. я еще короче ознакомился с этой местностью, которую уже хорошо знаю из походов великого Фридриха. Если вы направитесь на Максен, – продолжал он, – то весь отряд наш будет неминуемо окружен неприятелем и не избегнет совершенного поражения...“ Во время этого совещания, на котором не присутствовал принц Вюртембергский, решено было следовать до Петерсвальде»⁷.

Как ни странно, но Давыдов утверждает: «Подробности о Кульмском сражении были переданы мне графом Остерманом, Милорадовичем, К.И. Бистромом, флигель-адъютантом князем Голицыным, Ладыгиным и подполковником Бистромом»⁸. Давыдов не был участником сражения. Из перечисленных офицеров М.А. Милорадович прибыл в район Кульма и сменил Ермолова в командовании соединением раненого Остермана только 18 августа, т.е. он не участвовал в действиях 16 и 17 августа. К.И. Бистром 16–18 августа находился при своем лейб-гвардии Егерском полке, вероятно, участвовал в военном совете, о котором писал Ушаков, т.е. в дискуссии по поводу маршрута движения войск, но, главным образом, он с полком участвовал в боях. Сергей Сергеевич Голицын, полковник лейб-гвардии Преображенского полка, мог знать об отношении Остермана к указаниям вышестоящего командования. Ладыгин Николай Иванович, полковник, командовавший 1-й легкой лейб-гвардии артиллерийской ротой, и подполковник Бистром Филипп Антонович, командовавший 1-й батареей гвардейской конной артиллерии, были непосредственными участниками боев. Сомнительно, чтобы Давыдов получил информацию о взаимоотношениях Ермолова и Остермана от самого Остермана. Скорее всего, эту информацию Давыдов получил от своего двоюродного брата Ермолова с соответствующими комментариями, что следует из приведенных рассуждений Давыдова. Остерман прекрасно знал о конфликте

Ермолова с А.И. Кутайсовым в 1807 г. и позиции, занятой Давыдовым в этом споре за орден Святого Георгия 3-го класса. Поэтому вряд ли граф стал бы откровенничать с партизаном.

На основании воспоминаний Муравьева и Давыдова биограф Ермолова Я.А. Гордин делает вывод: «Так, маршрут на Петерсвальде выбрал именно Ермолов и убедил в своей правоте Остермана. В рапорте о сражении выбор решения отнесен Остерману»⁹. Но ведь рапорт составлял сам Ермолов, и не без дальнего прицела. По всей видимости, Гордин недостаточно глубоко изучил этот вопрос.

Дискуссию вокруг маршрута движения войск Остермана-Толстого не мог обойти молчанием и известный собиратель и публикатор материалов о Ермолове М.П. Погодин: «Остерман хотел идти на ...(?). Ермолов, основываясь на карте, убедил его оставить это намерение, которое погубило бы нас...»¹⁰ Возможно, Погодин имел в виду Максен. Скорее всего, эта фраза Погодина основана на словах Ермолова, которые привел Давыдов.

А вот как прокомментировал слова Погодина бывший адъютант графа, писатель И.И. Лажечников: «Разве тем, что Остерман послушался умного совета, он доказал недостаток своих умственных способностей?.. Мы читали в истории, и не одних войн, что иной главный начальник из самолюбия и самонадеянности не следовал умному совету своего подчиненного потому только, что хорошее в этом совете принадлежало не ему»¹¹.

Боясь нападения неприятеля с тыла на отступающие от Дрездена войска союзников, в то время как они будут пробиваться к Теплицу через неприятельский корпус Вандама, направленный Наполеоном для перекрытия Богемской дороги, спускающейся с Силезских (Рудных) гор к Теплицу, Барклай де Толли, вопреки диспозиции, приказал 16 августа войскам Витгенштейна (Петр Христианович Витгенштейн, граф, генерал от кавалерии, командир корпуса российских войск) идти на Диппольдисвальде, Клейста (Фридрих Генрих Фердинанд Эмиль Клейст, генерал-лейтенант, командир 2-го прусского корпуса в Богемской армии) – на Максен, а Остерману-Толстому «следовать к Максену на соединение с армиею, если дорога из Пирны на Теплиц занята французами»¹². Так считал А.И. Михайловский-Данилевский (Александр Иванович Михайловский-Данилевский, штабс-капитан квартирмейстерской части, в дальнейшем известный военный историк). Он же утверждал, что Остерман-Толстой получил вышеупомянутое повеление в ночь с 15 (27) на 16 (28) августа. «Если бы граф Остерман выполнил сие повеление, что даже был обязан выполнить, ибо Вандам занимал Богемскую дорогу, то открыл бы неприятелю путь в Теплиц, откуда французы могли двинуться на встречу на

шим колоннам, сходящим с гор, – писал Михайловский-Данилевский. – Надобно было решиться на одно из двух: принести в жертву отборные гвардейские полки для предупреждения французов в Теплиц и спасения армии, или, сберегая гвардию, поворотить на безопасный путь к Максену и поставить армию в самое затруднительное положение, открывая неприятелю путь в Богемию. Граф Остерман избрал первое»¹³. Выходит, что никаких совещаний, дискуссий и споров по поводу маршрута движения своих войск у Остермана не было. Он самостоятельно принял решение и исполнил его.

Получается, что принц, узнав от Вольцогена об отступлении в Богемию и выполняя указание Радецкого, двинул свои войска на Петерсвальде, чтобы прикрыть дорогу в Богемию. В правоте своих действий принц убедил Ермолова. Возможно, после этого Ермолов убедил Остермана не идти на Максен, а двигаться через Петерсвальде к Теплицу, прикрыв выход войск союзников с Рудных гор. Какую бы то ни было ссору между принцем и графом по этому поводу принц отрицает, а граф ссылается на военный совет, который поддержал найденное им решение. Выходит, что и спорить-то было не о чем. Но главное было не в противоречиях трех начальствующих лиц, а в том, что они пришли к единому мнению, обещающему успех.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Безотосный В.М.* Все битвы русской армии 1804–1814 годов. М., 2012. С. 453.

Поскольку автор не указывает конкретные источники, на которые он опирается при составлении описания движения российских войск в Кульмской баталии, я вправе отнести процитированный текст к утверждениям самого автора.

² *Фальмерайер Я.Ф.* Сражение за Кульм, или четыре дня жизни графа Остермана-Толстого // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография: Сб. материалов. Кн. XI. М., 2013. С. 204–205. (Труды ГИМ. Вып. 195).

³ Там же. С. 210.

⁴ *Ушаков С.И.* Деяния российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну 1812, 1813, 1814 и 1815 годов. СПб., 1822. Ч. III. С. 112–114.

⁵ *Вюртембергский Е.* Действия правого крыла союзной армии от 25-го до 30-го августа 1813 года // Воен. сборник. СПб., 1875. №8. Авг. С. 171–176.

⁶ Цит. по: *Гордин Я.А.* Ермолов. М., 2012. С. 292.

⁷ *Давыдов Д.В.* Соч. СПб., 1893. Т. III. С. 117–118.

⁸ Там же.

⁹ *Гордин Я.А.* Указ соч. С. 300.

¹⁰ *Лажечников И.И.* Несколько заметок и воспоминаний по поводу статьи «Материалы для биографии А.П. Ермолова» // *Ермолов А.П.* Записки русского генерала. М., 2013. С. 447.

¹¹ Там же. С. 343.

¹² *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание войны 1813 года. СПб., 1840. Ч. 1. С. 338–339.

¹³ Там же. С. 343.